

- ◇ На экране в перед экраном
- ◇ Люди активного действия
- ◇ «Закон вечности» — закон общности
- ◇ Без оглядки на критику
- ◇ Моему строгому внуку

кто отстает. Но мечтаю о читателе, который берет в руки книгу без заранее составленного отношения к ней, выносит собственное суждение, высказывает личное отношение. Здесь выражу одну мысль: литературная критика, как мне кажется, должна служить именно тому, чтобы читатели научились судить о прочитанном самостоятельно, без оглядки... на литератур-

Нодар
ДУМБАДЗЕ

ФОТО А. КАРЗАНОВА

СКВОЗЬ СЕРДЦЕ

нужно критику. Дело не в том, что я недооцениваю ее значение, а могу перечислить здесь имена уважаемых мною критиков, мнение которых очень ценю. Но именно в том, чтобы научить человека самостоятельно мыслить, вижу я главную их задачу.

Сразу после того, как телевидение показало анимацию «Кукарачи», у меня звонил телефон. Взявший трубку мальчик (ему оказалось пять лет) спросил:

— Дядя, Нодар, как это может быть: выпустить в упор целую обойму и ни разу не попасть?

Что было ответить? Его родителям я бы сказал, что ребенку в таком возрасте надо спать, а не смотреть телевизор. Мальчику же объяснил так:

— А когда футболист мячом не попадает в девятиметровые ворота?

Другой случай. В одной военной части ко мне подошла молодая женщина, учительница местной школы, говорит:

— Почему самые симпатичные наши герои, если говорить откровенно, не отличаются примерным поведением — и уроки в школе пропускают, и покуривают, и вино выпить не отказываются? Как таким героям подражать?

КАКИЕ герои нужны читателям?

Я начал играть в книжных героев еще до того, как научился разбирать буквы. Книжки читала мне мама. Я воображал себя Томом Сойером или Геким Финном, Гаврошем или графом Монте-Кристо. С возрастом образцы для подражания меняются. Позже я надолго увлекся похождениями мушкетеров и, конечно, был Д'Артаньяном. Недавно к нам приезжали французские писатели. Я рассказал им, что в последнее время все чаще вспоминаю Бальзака. Так, чего доброго, вообразишь себя Наполеоном!

Шутки шутками, а кому подражают в кого играют дети сегодня? В космонавтов, в поларников и все в тех же Тома

Сойера и Гавроша. Если не ошибусь, в ряду героев, созданных писателями, одним из последних, в кого играли, был Тимур и его команда. Впрочем, пусть не зачтется мне это за пристрастность к моему другу и земляку, но у нас сейчас стали играть в созданного Ч. Амиреджби героя — Дату Туташиа.

Здесь есть над чем подумать.

Главное не во внешнем лоске и благом нравном поведении, а в том, что все эти герои — борцы, это люди активные, действующие. И еще, самое главное — чтобы они были борцами за правое дело, чтобы их активность была озарена высокими, благородными побуждениями.

ОЧЕНЬ боюсь выпренности и высокопарности. Но, честное слово, здесь другими словами не скажешь.

Каждый человек, если он по-настоящему хороший человек, достоин, чтобы его «поместили в раму», сделали героем романа, фильма, пьесы. Кажется, куда уж как не соответствуют представлениям о традиционном герое гелммановские персонажи. Но сколько о них сейчас говорят и спорят! Помню, прочитав «Мальчика из Джорджии» Колдуэлла, я по-настоящему удивился: неужели простая жизнь, повседневное существование простого человека могли быть предметом искусства, неужели об этом можно писать?

Да, наша литература стала демократичнее в своем интересе к жизни, к людям. Но что все это за герои — положительные или не совсем, могут ли они стать объектом для подражания, стать учителями и наставниками для людей, — во-

прос не простой. Когда его адресуют мне в связи с моими героями, я могу ответить лишь одно: я их люблю. А подражать им, учиться у них — что может быть большим счастьем для писателя! — надо не в поведении и не в манере выражаться, а в том, как они живут.

Не так давно, скажем, западный мир был охвачен модой на Джеймса Бонда, причем мода эта сознательно раздувалась, культивировалась, рекламировалась. Сорочки, галстуки, чамоданчики, прически «под Бонда» наводнили мир. Разумеется, все это чуждо нам.

Мы всегда должны помнить о последствиях, которые могут вызвать наши книги. Любой из нас назовет немало знаковых людей, в характере которых уживаются и положительные, и отрицательные черты. Человек нередко противоречив, на одном плече у него сидит ангел, а на другом — дьявол.

Победит ангел. Тогда человек вправе занять яакансию героя, стать в центр гелиоцентрической системы произведения. Наша задача — показать, как протекает борьба и как достигается победа.

БАЧАНА Рамишвили, герой моего романа «Закон вечности», окружен двумя персонажами, каждый из которых и похож на него, и непохож. Один — тбилисский ремесленник, другой — священнослужитель. Напомню читателям: действие происходит в реанимационной палате и у ее обитателей есть время говорить и спорить сколько угодно. В их спорах проявляются разные точки зрения. Мне говорят, что прежде никогда в моих вещах не было столько исповедей и пропове-

дей, сколько здесь. Боюсь дидактики и проповеди, в художественной ткани произведения это вещь очень опасная, и необходимо огромное умение, чтобы органично ввести их в текст. Герой, провозглашающий нравоучительные монологи, как правило, вызывает у читателя неприязнь и недоверие. Два чудесных старика Илито и Илларион из первой моей повести не произносят ни одного назидания. Однако своими поступками и действиями они, как хочет надеяться автор, учат вступающего в жизнь подростка самому главному.

И вот в «Законе вечности» Бачана и отец Иорам устраивают настоящие дискуссии. Сам задумываюсь, почему это оказалось необходимым. Мне кажется, сейчас наше общество достигло той степени зрелости, когда оно может и должно активно утверждать свои идеалы. Конечно, так было с первых дней после Октябрьской революции. Но вспомним, как много внимания святой вере в наши идеалы было уделено на XXVI съезде КПСС!

Сейчас в нашей духовной сокровищнице накопились ценности, которые надо проповедовать в полный голос. Так родился «закон вечности» — закон взаимопомощи, общности и неразделимости человека с человеком, который, конечно же, не сочинен ни мной и ни моим героем. Ведь и Ньютон «не сочинил» закон всемирного притяжения. Ведь Руставели в гениальной формуле, выразившей закон смысла человеческой жизни: «Лучше смерть, но смерть со славою, чем бесславных дел позор», — воплотил объективно существовавшее правило, без которого наш народ не смог бы выжить, сохранить свой бессмертный дух до наших дней.

ПРИ МНЕ один поэт надписал знакомому крестьянину нижнюю строку стихов. Тот глянул на цену обозначенную на обложке, и говорит: «Слушай, друг, что ты такого понаписал, если даже чистая тетрадь стоит дороже!»

Можно, конечно, порадоваться дешевизне книг в нашей стране. Но нельзя не задуматься о том, для кого ты пишешь, об ответственности перед ним.

Как правило, я не воображаю себе адресата своих произведений — молодой он или старый, горожанин или житель деревни, мой земляк или дальний чужеземец. Впрочем, одно исключение все же есть. Когда все наши домашние расходятся по своим делам и маленького внука оставляют на мое попечение, я начинаю на ходу сочинять стихи только для него. Должен сказать, что он судья строгий и нелицеприятный. Если, выслушав мою очередную экспромт, он просит повторить его, значит, стихотворение получилось. Если же нет... Прошедшие такое испытание стихи я потом публикую, и отбор маленького критика оказывается точным.

Некоторые относят меня к числу тех писателей-счастливчиков, которым пишется легко и просто, чье творчество чуть ли не сплошная импровизация. Но мне порой годами приходится носить в себе замысел или иной вещи, прежде чем рискну сесть за стол с листом чистой бумаги. Я так и не научился сочинять методом «отбора материала», «творческих командировок» и т. д. Как я уже говорил, все мой герой — это я сам, мои произведения — моя жизнь. Тяжелое детство, потеря родителей, горькое ощущение утраты и непоправимости и в то же время сознание того, что вокруг много хороших, добрых людей... Война, ставшая испытанием для всего народа, может быть, тяжелее всех была пережитая подростками, терпевшими голод, лишения, безнадзорность и в то же время осознавшими неожиданно свалившуюся на них ответственность за дом и семью, за хозяйство колхоза и рабочий цех, за всю свою Родину... Золотая пора студенческой молодости, любовь, дружба, разочарования, предательство... Читатель вправе искать и находить в каждой моей вещи отражение моей биографии.

Сегодня нельзя представить

себе человека, тем более писателя, который обходится без духовного и литературного опыта Льва Толстого или Томаса Манна, Фолкнера, или Шолохова, или Маркеса, но, садясь за стол, писатель обязан отказаться от опыта великих. Однажды меня спросили, кого я считаю профессиональным писателем. Я ответил; того, кто каждый раз, когда в зале тянется рука с вопросом или приходит письмо от читателя, испытывает дрожь в коленках от страха за написанное им. Может, мне особенно трудно писать потому, что по профессии я не филолог, а экономист. Вроде бы все уже обдуманно, выношено, проверено для себя. Как сказал, кажется, Рене Клер, фильм готов, остается только его снять. Ничего себе «только».

В повести «Я вижу солнце» была сцена на мельнице. Я точно представлял весь эпизод, каждую реплику персонажей. Но на бумаге они не желали разговаривать, не желали, и все. Обычно я пишу ночами, когда лучше слышишь своих героев. Кан-то за полночь, отчаявшись написать эту сцену, я включил телевизор. Передачи давно закончились. Раздавался лишь гул накалившихся ламп. И вдруг я понял, чего мне не хватало: гула воды на мельнице. Все встало на место, герои заговорили.

Это лишь один штрих, но из них состоит жизнь писателя. Десять лет вынашивал замысел «Белых флагов». Я крутил его и так, и сяк, но приступить не мог. Дело в том, что действие происходит в намере предварительного заключения, где, в сущности говоря, никакого действия и нет. Никто нигде не едет, не выходит, не заходит. Одни разговоры. Я могу припомнить лишь два случая из множества, когда авторы с успехом справились с замкнутым пространством: «Мари-Октябрь» и «12 разгневанных мужчин». Так и мучился был, если бы на память не пришел образ новачка с его обидчиками: чистыми и нечистыми.

Думаю, наиболее полно все, что я хотел, мне удалось выразить в «Законе вечности». Могу точно назвать дату, когда у меня родился его замысел, — в день первого инфаркта. Именно тогда появилась мысль, что на наших сердцах остаются следы всех радостей и горестей, увлечений и разочарований, побед и поражений в жизни. Но семь лет не шло перо, оставаясь на первых фразах. И тут второй инфаркт. Первые слова, которые я услышал, вернувшись с того света, были такие: он такой молодой, с чего это с ним случилось? Не хочу, конечно, сказать, что замысел должен вызреть всегда до инфаркта. Но если не пройдет через сердце слово, которое ты несешь людям, лучше промолчать.

НАДО ли писать правду? Разумеется, надо. Как-

то один зарубежный журналист, желая получить пишу для своей газеты, долго пытал меня. В частности, он выспрашивал: вот у вас в стране есть писатели, которых критикуют за то, что они пишут правду о вашей действительности. В ваших произведениях тоже имеются критические ноты, но вас, однако, награждают, премируют. В чем дело?

Пытаться обратить в нашу веру таких людей, объяснить, где правда, а где ложь, бесполезно. Я тогда ответил: наша страна настолько сильна, что не боится никакой критики. Прочитайте газеты, выступления наших руководителей, и вы убедитесь в этом. Но когда о недостатках и ошибках пишут, чтобы позлорадствовать, посмаковать их, то с такими «критиками» нам не по пути.

Вопроса нет: надо всегда писать правду о прошедшем и настоящем, если ты советский писатель. Это наш профессиональный долг. Иногда мне бывает горько за то, что пишу, чаще — радостно. Очень хочу, чтобы в мою правду поверили те, кто возьмет мою книгу в руки завтра, чтобы она понравилась моему строгому, любимому внуку, когда он вырастет.

Зались
Эдуарда ЕЛИГУЛАШВИЛИ